

Галина Свириденко

Родилась в 1955 году в селе Бобково Алтайского края. Окончила Горно-Алтайский педагогический институт. Работала журналистом. Публиковалась в общих сборниках стихов и прозы. Живет в селе Майма.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ

В тот день на уроке гражданской обороны нам рассказывали об угрозе ядерной войны и способах защиты. Вел его учитель труда Селезнёв Иван Романович, мужчина лет сорока, худощавый, с густыми, сведенными к носу бровями. Почему-то думалось, что и после окончания уроков он никогда не улыбался. Из таких памятники можно делать. Говорил он о страшных последствиях после взрыва, уточняя при этом, что живем мы в степи и спрятаться от такого взрыва нигде, нет у нас ни гор, ни тайги, ни больших бетонных зданий. Поэтому каждому дал домашнее задание: вырыть возле своего дома бомбоубежище.

Был месяц май. Мы, пятиклассники, ждали каникул. Но тревога закралась в сердце: ведь нужно было спасти всю семью. «Они еще ничего не знают», — думала я и, придя домой, сразу пошла выбирать место для бомбоубежища. Лучше, чем выкопать его у забора, перед самыми воротами в дом, я не придумала. Очертив предполагаемый размер, стала пробовать землю на твердость. Копать было трудновато. Лопата оказалась

рассчитана на взрослого человека и мне явно не подходила. Но степь — это большей частью песчаная земля, и дело пошло. Я уставала и часто отдыхала.

Когда прокопала на два штыка в глубину, поняла, что это только на меня одну хватит, а отец — высокий, не войдет. Погрустила, но прибавила к своим разметкам еще полметра в длину. Сил моих хватило только на то, чтобы к вечеру бомбоубежище было выкопано на метр в ширину, два в длину и всего лишь полметра в глубину. Я была очень довольна, что мы все пятеро спасемся.

Вечером я спросила старшую сестру: «Почему ты не помогаешь мне копать?» Она ответила, что им такого домашнего задания никто не давал.

Когда пришел с работы отец, то первый его вопрос был: «Кто вырыл могилу?» Младший брат и сестра показали пальцами на меня.

— Кто тебя надоумил?

Я ответила, что это домашнее задание, и показала дневник, где было написано: «Вырыть бомбоубежище!»

Отец поскреб затылок:

— А как теперь домой на велосипеде попадать?

Взял лопату и пошел закапывать бомбоубежище. Я чуть не рела, говорила, как мне трудно было копать.

— Такие вещи, — сказал отец, — надо со всей семьей согласовывать. Наш сосед, участник войны, бомбоубежище не увидит и улетит в эту яму. Как он с одной рукой выберется из нее?

На другой день я выбрала место за домом, но земля там была очень твердая. Чтобы не сразу нашли новое бомбоубежище, я взяла у отца несколько штакетин и насобираала мешок «хламья» для того, чтобы прикрыть сверху мой «блиндаж». Трудилась я около трех дней.

На этот раз сосед, участник войны, спросил у отца, что это я все время копаю за домом.

— Видно, клад ищете, — высказал он свою догадку.

В тот же день неожиданно прошел дождь, а земля там была глинистая. Отец шел домой подвыпивший, без велосипеда, и решил войти в дом с другой стороны двора, откуда выгонял по утрам корову. Поскользнувшись на мокрой земле, он, естественно, угодил

прямо в бомбоубежище, которое было прикрито лишь слегка. К этому моменту мне оставалось только принести туда зимней одежды и подушек для того, чтобы там было мягко ночевать.

Не сразу мы услышали его крик и побежали вытаскивать. На помощь пришел и сосед, участник войны. Отец сильно ушиб ногу. Сказать, что он рассердился, мало. Он хромал и выражался так, как мы слышали только в крайних случаях.

— А если бы не я, а корова туда залетела, она бы все ноги переломала! — бушевал он, не переставая растирать поврежденную ногу.

Чуть позже он взял дневник и пошел со мной к нашему учителю труда. Я очень боялась, что отец его налупит, они были одноклассники.

Иван Романович сидел и курил на крыльце, не подозревая, что последует за приветствием моего отца.

— Не мог бы ты, Романыч, показать прилежащую к твоему дому территорию? — озабоченно спросил отец.

— А ты что, Фёдорыч, дом мой покупать собрался? — пошутил учитель.

Отец не увидел никаких убежищ и спросил:

— А где твои Васятка и Юрок?

— Да, видно, на рыбалку ушли, — подумав, ответил учитель.

Но парнишки прилипли к окну с внутренней стороны.

— А где они у тебя бомбоубежище вырыли? — не унимался отец.

Иван Романович замолчал, мало что понимая. Отец показал ему мой дневник с записью домашнего задания и свои ссадины на ноге.

— Я через твое задание увечье получил. Завтра на работу не пойду. Сниму показания в милицейском участке и поеду в город узнать, кто дал право так издеваться над детьми. Ты тоже скоро на работу ходить не будешь. Тебя выгонят! Одного или вместе с директором, хотя директора мне жаль. Он войну прошел, уцелел. А я вот не уцелел, улетел в бомбоубежище, которое по твоему заданию вырыл мой ребенок. — Отец взял меня за руку, развернулся, и мы пошли домой. — И в больнице ты теперь здесь лечиться не будешь. В ней, если помнишь, жена моя врачом работает.

Дома отец хромал и хохотал: «Пусть теперь не спит».

Поздним вечером к нам пришла жена Ивана Романовича, наш библиотекарь Тамара Васильевна, и слезно просила маму, чтобы отец простил ее мужа. Тут засмеялась мама. Она сказала, что отец пошутил.

Однако на следующей неделе в школе произошли удивительные перемены. Девочек действительно забрали у Ивана Романовича. Ему оставили только мальчишек, с которыми он работал в мастерской по дереву и металлу. Нам же показали новую учительницу труда, с которой мы шили косыночки и платочки. Но запах металла и дерева нравился мне куда больше.